

После окончания Московского университета мне довелось работать в пермской газете «Звезда», где в 1925 году начинал свой путь журналиста Аркадий Гайдар. Здесь же впервые появился его псевдоним, под которым он стал известен миллионам читателей. Кроме четырех повестей и двенадцати рассказов, Гайдар напечатал в уральских газетах более ста фельетонов, очерков и стихотворений. Словом, испробовал все жанры.

В моей записной книжке сохранилось интервью, которое дал старый рабочий Иван Павлович Баранов. В 1918 году он возглавлял деловой совет Добрянского металлургического завода, а в двадцатые годы — Пермское управление сберкасс. Наша встреча с Иваном Павловичем состоялась в конце шестидесяти годов в Перми. Он позвонил мне и сказал:

— Вот бы раскрыть историю фельетонов Гайдара. Если это Вас интересует, могу рассказать об одном...

В тот же вечер я встретился с Иваном Павловичем. Рассказ своей он начал издали — с присказки, хотя и очень современной.

Начну, пожалуй, с рекламы: «Храните деньги в сберегательной кассе!»

Казалось бы, что тут может быть интересного? Словосочетание до того привычное, что над ним, право, никто уже и не задумывается. Как стираются от долгого употребления пятаки, так теряют первоначальную значимость и слова, призывы. Даже моя малолетняя внучка Марина знает, где надо деньги хранить. Теперь, наверное, куда важнее другое. Не копите деньги, поскорее пускайте их в оборот! Совершенствуйте, как пишут экономисты, хозяйственный механизм!

Но совсем иначе все выглядело в двадцатые годы, откуда и пришел тот призыв. Трудные сберегательные кассы тогда еще делали первые шаги. Возрождались промышленность после гражданской войны. Еще живучи были порожденные недавней разрухой спекуляция, грабежи. Деньги в сберкассе люди несли неохотно. Поднять авторитет нового советского учреждения стало делом политической важности. И мне, тогдашнему работнику местного управления сберкасс, пришлось этим заниматься, как говорится, вплотную.

Вот на этом пути я и встретился неожиданно с Аркадием Гайдаром. Имя его было мне уже известно. Не считал хлесткие гайдаровские

Аркадий Петрович Гайдар (1904—1941) — выдающийся советский детский писатель. Он прожил яркую, героическую, но недолгую жизнь; был участником революционных событий, командиром в Красной Армии в годы гражданской войны. Гайдар исколесил всю страну сначала как боец, затем как журналист-газетчик и писатель. Он побывал в Сибири и Средней Азии, на Украине, жил в Крыму, Рязани. Подмосковье.

Перу писателя принадлежит ряд замечательных книг о жизни детей в Советской стране. Произведения Гайдара — это живая хроника событий 20-х и 30-х годов. В каждом произведении — «Р. В. С.», «Школа», «Дальние страны», «Военная тайна», «Голубая чашка», «Судьба барабанщика», «Чук и Гек» — писатель ведет откровенный и серьезный разговор о самых

сложных вопросах жизни: о том, что такое счастье, каким должен быть советский человек.

С первых дней Великой Отечественной войны писатель был на фронте. В «Комсомольской правде» печатались очерки Гайдара о мужестве и стойкости советских бойцов. Осенью 1941 года писатель добровольно остался в тылу врага и стал партизаном в приднепровских лесах. Погиб он в бою против гитлеровцев под деревней Лепява, около города Канева.

Советский народ высоко ценит творчество Гайдара, произведения которого вошли в золотой фонд советской литературы для детей.

На снимке: Аркадий Петрович Гайдар (снимок сделан в 1935 году).

Фотохроника ТАСС.

ЗОРКИМ ВЗГЛЯДОМ ФЕЛЬЕТОНИСТА

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ

фельетоны в «Звезде». Было в них много юмора, сарказма, но больше всего, пожалуй, смелости. Надо же, один фельетон был озаглавлен так: «Адмотделу Пермского исполкома». Досталось тогда кое-кому из бюрократов, увлекшихся вместо живой работы с людьми составлением разного рода анкет с бесконечным числом вопросов. Работники советских учреждений с нескрываемым интересом читали фельетоны Гайдара. Читали, смеялись и чуть-чуть побанькали: «Не дай бог попасть под перо беспощадного, не вздрагующего на лица Гайдара!»

И вот раздается стук в дверь — в мой кабинет входит молодой круглолицый человек в коротко обрешанной шинели и высоких, выше колен, сапогах. Посетитель протягивает руку и говорит:

— Гайдар. Будем знакомы. От растерянности не знаю, что и сказать. Сначала приглашаю сестру, потом бормочу нечто не очень внятное:

— Рад... Очень рад. Но простите, по какому такому поводу?

Вижу, Гайдар широко улыбается. Доброе, чуть насмешливое выражение лица обезоруживает меня. Мы несколько секунд молча смотрим друг на друга, пока гость не произносит тихо:

— Хочу, Иван Павлович, написать фельетон...

На мое лицо, видимо, снова ложится тень тревоги, и Гайдар опять улыбается, говорит еще тише:

— Должен написать хороший фельетон. На вашу пользу — во славу ваших сберегательных касс...

Ну, думаю, наверное, он все свои фельетоны считает хорошими и обязательно по-

лезными. Нет, меня на мякине не проведешь. Хотя дела действительно шли плохо, кассы были почти пустыми, но личной моей вины тут нет. Решил помаленьку выпытать у Гайдара: какие он факты «против нас» имеет, кого упомянуть в фельетоне хочет, над чем посмеяться?

Начал я было эту программу осуществлять, да только смотрю, ничего не выходит. Я Гайдару один вопрос, а он мне на этот же вопрос три задает. Я ему рассказываю о значении сберегательных касс для трудящихся, а он все о том, почему люди деньги не несут. Не доверяют, наверное, отвечаю я, и тут же как могу убеждаю, что сберкассам можно и нужно доверять.

— Выходит, государству не доверяют, а своим кошелькам да карманам доверяют? — задумчиво переспрашивает Гайдар и, оживившись, говорит:

— Вот ведь какая штука! Людей всегда труднее в чем-либо убедить, заставить поверить в новое. Зато иногда легче разубедить. Итак, давайте их разубедим в том, что таскать деньги в карманах — вредный соблазн, от которого нередко случаются великие беды...

Затронул был и такой вопрос: почему бы не делать коллективные взносы в сберкассе скажем, каждым членом семьи, а получать их только при согласии всей семьи? Тогда молодые рабочие, поставленные таким образом под контроль родителей, не транжирили бы трудовые рубли налево и направо, а расхоловали только на нужные вещи.

Я сказал, что у наших вкладчиков пока таких интересных идей не появлялось.

Да и законом сие не предусмотрено...

Зато в Лысьве, — заметил Гайдар, — где это тоже законом не предусмотрено, такую идею поддерживают.

— Там нашлись сторонники коллективных вкладов?

— Нет, пока лишь сторонники их принимать... Говорили мы больше часа. Да так откровенно говорили, будто знакомы были всю жизнь. Чай с сахариним попили. Я даже совсем забыл, что имею дело с фельетонистом. Распрошавшись я с Гайдаром и стал каждое утро «Звезде» изучать. Что теперь, думаю, будет со мной?

И вот 20 декабря 1925 года разворачиваю газету и вижу фельетон «Логика денег», а внизу подпись: «Гайдар». Пробегаю глазами строчки, и сразу же вспоминаются слова, даже интонация, с которой их произносил Гайдар: «Я не знаю, можете ли вы, ощущая в карманах бумажную или медную денюгу, проходить спокойно по улице».

Автор спрашивал и тут же сам давал ответ: «Лично я, например, не могу, потому что мне всегда надо что-нибудь купить. И эта необходимость вызывается не потребностью в той или иной вещи, а просто-напросто тем бунтом, который поднимают запрятанные в глубину карманов деньги».

Кстати, тот номер газеты у меня сохранился до сих пор. И теперь, перечитывая фельетон, невольно ловишь себя на мысли: как часто мы, читатели, особенно из числа педагогов, не понимаем фельетонистов. Не понимаем подчас самого главного. Ведь юмор и сатира порой восстанавливают то, что разрушили неумелая по-

хвала или слишком любовной дрязгов.

Да, фельетон был действительно «за сберкассе». Но как неожиданно он был построен! Логика денег и взгляд фельетониста были таковы, что в них не содержалось прямого призыва: «Храните деньги в сберегательной кассе!», что мне тогда казалось самым важным. Наоборот, Гайдар подтрунивал над работниками сберкасс. Но при всем том, он непреклонно и умело проводил свою главную линию.

Есть в фельетоне сцена, когда один из новых вкладчиков, оказавшись перед витриной винной лавки, тотчас же направился в сберкассе. Зачем? Чтобы снять несколько рублей на бутылку портвейна. Герой сберкасс размышляет: «Не скрою, что была минута, когда я убоился своего малодушия и подумал: А хорошо бы, если бы этот бухгалтер посмотрел на меня через очки и изрек что-нибудь вроде:

— Проходите, проходите, гражданин. Мы на этикие глупости денег не выдаем. И отлично это, вы можете сегодня обойтись без всяких фокусов».

Тут я узнаю себя и свою фантазию, которой делился с Гайдаром. Она заключалась в том, чтобы принимать вклады на хранение в любом размере, а выдавать только крупные суммы. Я утверждал тогда, что нельзя превращать новое учреждение в некую разменную контору, в «городской кошелек с мелочью», а сделать действительно копилкой, в полном смысле сберегательной кассой. Мне казалось, что эти доводы звучат и свежо, и здорово.

Правильно уловил эту мысль и передал Гайдар в фельетоне. Мало того, он по-

шел дальше, с чем я, кстати сказать, не был согласен. Свою идею о коллективных вкладах, сторонников которой он нашел в Лысьве, Гайдар описывал в деталях. Им было сочинено форменное заявление от имени трех братьев Петровых и их отца, которые якобы обязались «внимать денежные суммы» только в том случае, если на чеках будут все четыре подписи.

«И лично мне кажется, — писал Гайдар, — что у этой постановки вопроса есть большое психологическое содержание. Тут даже не надо подбирать группу, сходной по убеждениям или спянной товарищества, наоборот, некоторая рознь образцов мыслей вкладчиков будет залогом сдерживающего начала. И если, например, товарищ Иван скажет спуста некоторое время:

— Давайте подписывайтесь, беда, как выпить охота.

То, положим, товарищ Петр ответит ему:

— Выпивка есть явление вредное...

Заканчивался фельетон призывом поставить заявление о коллективных взносах «на широкое обсуждение пролетарских масс». Да, лишь в таких масштабах видел разрешение всех проблем сохранности пролетарской копейки молодой Гайдар.

Конечно, никакого обсуждения из этого не получилось. Но фельетон заметно повысил интерес уральцев к проблеме хранения своих трудовых денег. А месячник, проведенный в декабре 1925 года сберкассами Пермского округа, действительно помог увеличить число вкладчиков и размеры вкладов.

Больше я Гайдара не видел. Спустя же несколько лет мне довелось разговаривать с одним из видных партийных работников, от которого услышал, что именно он просил редактора «Звезды» поручить работу над агитационным фельетоном, касающимся сберкасс, Гайдару. Так я узнал, что такое агитационный фельетон и как он делается.

Закончив рассказ, Иван Павлович Баранов аккуратно вложил пожелтевшую газетную страницу в клеенчатую тетрадь со своими мемуарами о годах революции и гражданской войны, поставил на полку.

— Пусть сберегаются! — сказал Иван Павлович. — Завещал внукам сие наследство...

При этом он сделал чуть заметное ударение на двух последних словах.

А. НИКИТИН,
член Союза журналистов СССР.

SHAMBA
г. Калуга

22 ЯНВ 1984